Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-400-405

ПЛЕХОДАНОВ Владислав Дмитриевич,
аспирант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
e-mail: vladan13.kursk@yandex.ru

БАЛАШОВ Константин Геннадьевич,
аспирант ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»,
e-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

ОРГАНИЗОВАННЫЕ ФОРМЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В НЕЗАКОННЫХ ФИНАНСОВЫХ ОПЕРАЦИЯХ (ДРОППЕРСТВО): ДЕТЕРМИНАНТЫ, МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере функционирования и предупреждения теневого рынка дроп-услуг, обеспечивающего транзит и обналичивание преступно полученных денежных средств. Предмет исследования образуют нормы Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за неправомерный оборот средств платежей и смежные деяния (ст. 159, 187 УК РФ), доктринальные разработки понятий «дроп», «дроповод», «биодроп», эмпирические данные о структуре и ценообразовании рынка дроп-услуг.*

Научная новизна работы состоит в обосновании четырех взаимосвязанных положений, ранее не получавших освещения в отечественной криминологии. Во-первых, дропперство концептуализировано как криминальная гиг-экономика: рынок разовых криминальных микроуслуг, воспроизводящий организационные формы легальных цифровых платформ занятости и заимствующий у них механизмы найма, тарификации, рейтингования и ротации исполнителей. Во-вторых, введено понятие коммодификации финансовой правосубъектности: предметом теневой сделки выступают не деньги и не труд дропа, а доверие финансовой системы к его личности, конвертируемое в товар. В-третьих, описан эффект транзакционного дробления вины: расщепление преступления на цепочку внешне нейтральных микродействий, каждое из которых в отдельности не воспринимается исполнителем как преступное, что блокирует действие общей превенции. В-четвертых, предложена рыночная модель предупреждения, смещающая вектор воздействия с личности дропа на экономические параметры рынка дроп-услуг: издержки входа, цену услуги, скорость ротации и инфраструктуру сделки.

Ключевые слова: *дропперство; дроп; дроповод; криминальная гиг-экономика; коммодификация правосубъектности; неправомерный оборот средств платежей; ст. 187 УК РФ; теневой рынок; транзакционное дробление вины; рыночная модель предупреждения.*

PLEKHODANOV Vladislav Dmitrievich,
graduate student of FSBEI HE "Southwest State University"

BALASHOV Konstantin Gennadievich,
graduate student of FSBEI HE "Ugra State University"

ORGANIZED FORMS OF MEDIATION IN ILLICIT FINANCIAL TRANSACTIONS (DROPPERY): DETERMINANTS, MECHANISM AND COUNTERMEASURES

Annotation. *The object of the study is public relations developing in the field of functioning and prevention of the shadow market for drop services, which provides transit and cashing of criminally received funds. The subject of the study is formed by the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on liability for illegal circulation of means of payment and related acts (Articles 159, 187 of the Criminal Code of the Russian Federation), doctrinal developments of the concepts of "drop," "dropovod," "biodrop," empirical data on the structure and pricing of the drop services market.*

The scientific novelty of the work is the justification of four interrelated provisions that have not previously received coverage in domestic criminology. First, droppery is conceptualized as a criminal gig economy: a market for one-time criminal micro-services that reproduces organizational forms of legal digital employment platforms and borrows from them mechanisms for hiring, charging, rating and rotating performers. Secondly, the concept of commodification of financial legal personality was introduced: the subject of a shadow transaction is not money or the work of a drop, but the trust of the financial system in its personality, convertible into goods. Thirdly, the effect of transactional splitting of guilt is described: splitting the crime into a chain of externally neutral microactions, each of which is not individually perceived by the performer as criminal, which blocks the action of general prevention. Fourth, a market warning model has been proposed that shifts the impact vector from the personality of the drop to the economic parameters of the drop services market: entry costs, service price, rotation rate and transaction infrastructure.

Key words: *droppery; drop; dropovod; the criminal gig economy; commodification of legal personality; illegal circulation of payment means; Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation; shadow market; transactional blame-splitting; market warning model.*

Введение

Криминология привыкла описывать соучастие языком ролей: организатор, подстрекатель, пособник, исполнитель. Этот язык складывался в эпоху, когда преступная группа была именно группой, то есть совокупностью людей, знающих друг друга и связанных устойчивыми отношениями. Дропперство в эту рамку не помещается. Дроп не знаком ни с организатором, ни с другими участниками схемы, не осведомлен о конечной цели операций, получает задание от анонимного аккаунта и исчезает из схемы через несколько недель, будучи заменен следующим. Перед нами не группа, а рынок, и описывать его следует языком экономики, а не только языком института соучастия.

Литература последних лет заметно продвинулась в осмыслении феномена. Дропперство охарактеризовано как элемент теневой инфраструктуры цифровой экономики [1, с. 97], как новый вид соучастия в хищении [3, с. 380], как новое преступное явление, требующее самостоятельной квалификации [9, с. 162]; поставлен вопрос об обоснованности и пределах уголовной ответственности дропов, включая специфическую фигуру биодропа [2, с. 54; 4, с. 85], предложены модели специального регулирования ответственности посредников в незаконных финансовых операциях [6, с. 121]. Однако все эти работы, при их несомненной ценности, объединяет общая черта: они смотрят на дропперство сквозь призму отдельного деяния и отдельного деятеля. Вопрос о том, как устроен сам рынок, на котором деяние и деятель встречаются, почему этот рынок столь устойчив к репрессии и в каких его точках предупредительное воздействие дало бы максимальный эффект, остается открытым. Настоящая статья представляет собой попытку этот вопрос поставить и предложить на него ответ.

Обсуждение и результаты исследования

Начнем с наблюдения, которое кажется нам ключом ко всему дальнейшему. Организационная форма современного дропперства не изобретена преступниками. Она заимствована, причем заимствована у вполне легального сектора: у платформенной гиг-экономики, экономики разовых заданий, курьерских сервисов и фриланс-бирж. Сходство здесь не метафорическое, а структурное, и его можно проследить поэлементно.

Легальная гиг-платформа предлагает исполнителю разовое задание без трудового договора, с оплатой за результат и без вопросов о квалификации. Вербовщик дропов предлагает ровно то же самое: разовое «задание» с фиксированным тарифом за карту или за проведенную операцию. Гиг-платформа не знает своих курьеров в лицо и легко их заменяет; дроповод не знает своих дропов и закладывает их выбытие в бизнес-модель как плановую ротацию. Гиг-платформа использует рейтинги и реферальные бонусы; дроп-сообщества в мессенджерах используют внутренние рейтинги надежности исполнителей и премии за приведенного новичка. Наконец, и это самое важное, гиг-экономика приучила целое поколение к мысли, что подработка есть нечто разовое, дистанционное, анонимное и не требующее оформления. Вербовщику остается лишь встроить свое предложение в этот привычный формат, и оно перестает восприниматься как криминальное. Эмпирические данные о причинах

вовлечения молодежи в дроп-схемы это подтверждают: доминируют мотивы быстрой подработки при системной недооценке рисков и правовой неосведомленности [11, с. 351]. Молодой человек, откликающийся на объявление «оформи карту, получи пять тысяч», субъективно совершает то же действие, что и при отклике на вакансию курьера. Разница между легальным и криминальным гигом стерта на уровне пользовательского опыта, и в этой стертости заключается главный воспроизводственный механизм рынка.

Отсюда первое положение, выносимое нами на обсуждение: дропперство целесообразно концептуализировать как криминальную гиг-экономику, то есть теневой рынок разовых криминальных микроуслуг, организованный по платформенному принципу. Такая концептуализация не игра в термины. Она меняет предмет анализа: изучать следует не дропа и даже не дроповода, а рынок с его спросом, предложением, ценой и инфраструктурой сделки.

Что же продается на этом рынке? Ответ на этот вопрос образует второе и, полагаем, центральное положение статьи. На первый взгляд дроп продает услугу по транзиту денег либо сдает в аренду кусок пластика. Но пластик сам по себе ничего не стоит, а услуга по переводу средств доступна любому. Действительным предметом сделки является иное: доверие финансовой системы к конкретной личности. Банковский счет физического лица есть овеществленная презумпция добросовестности: система исходит из того, что операции по счету совершает его законный владелец в собственных правомерных целях, и именно поэтому такие операции проходят антифрод-фильтры, которые немедленно остановили бы аналогичную активность анонима. Дроп, передавая карту, отчуждает не вещь, а эту презумпцию. Он конвертирует в товар собственную финансовую правосубъектность, то есть признанную государством и банковской системой способность быть добросовестным участником платежного оборота.

Этот процесс мы предлагаем именовать коммодификацией финансовой правосубъектности. Категория, на наш взгляд, обладает объяснительной силой сразу в нескольких отношениях. Она объясняет, почему рынок дроп-услуг структурно неистребим точечной репрессией: пока каждый обладатель паспорта и счета является потенциальным носителем товара, предложение на рынке практически неисчерпаемо. Она объясняет феномен биодропа, поставленный У.И. Богацкой [2, с. 54]: биодроп потому и выпадает из привычных квалификационных схем, что не подделывает ничего и не похищает ничего, а продает подлинное, но продает то, что по замыслу правопорядка продаже не подлежит. Она, наконец, точнее определяет объект посягательства при дропперстве: страдают не только имущественные интересы конкретных потерпевших от мошенничества, но и само институциональное доверие, на котором держится розничный платежный оборот. Каждая проданная карта делает антифрод-системы чуть более слепыми, а значит, удорожает финансовые услуги для всех добросовестных участников. В этом смысле дропперство ближе к фальшивомонетничеству, чем к пособничеству в краже: как фальшивомонетчик подрывает доверие к денежному знаку, так дроп подрывает доверие к банковской идентичности. Показательно, что законодатель интуитивно поместил ст. 187 УК РФ [12] именно в главу о преступлениях в сфере экономической деятельности, а не среди посягательств на собственность, однако доктринального обоснования этому размещению применительно к обороту подлинных платежных средств до сих пор не предложено. Категория коммодификации правосубъектности такое обоснование дает.

Третье положение касается механизма нейтрализации вины, встроенного в архитектуру рынка. Классическая преступная группа вынуждена преодолевать моральные барьеры участников: убеждать, запугивать, индоктринировать. Криминальная гиг-экономика решает ту же задачу элегантнее, а именно конструктивно, самим способом организации деятельности. Преступление расщепляется на цепочку микродействий, каждое из которых, взятое изолированно, выглядит юридически и морально нейтральным. Оформить карту законно. Передать свою вещь другому лицу внешне законно. Перевести деньги по просьбе знакомого обыденно. Снять наличные в банкомате рутинно. Ни одно звено цепочки не содержит для исполнителя очевидного маркера преступности, и лишь сборка звеньев воедино, доступная только организатору, образует хищение и его легализацию. Этот эффект мы предлагаем именовать транзакционным дроблением вины.

Криминологическое значение эффекта трудно переоценить. Общая превенция работает лишь тогда, когда адресат нормы способен опознать свое действие как запрещенное. Транзакционное дробление эту способность разрушает: исследования фиксируют, что вовлекаемые лица в массе своей не осознают преступного характера предоставления карты третьим лицам [7, с. 182]. Угроза наказания не удерживает того, кто не видит, от чего его удерживают. Одновременно дробление порождает и доказательственную проблему, отмеченную М.А. Желудковым: умысел дропа относительно основного преступления приходится реконструировать из фрагмента, который сам по себе умысла не обнаруживает [3, с. 383]. Добавим, что дробление объясняет и подвижность границы между дропом и жертвой: посредник, вве-

денный в заблуждение относительно смысла своих операций, по механизму вовлечения неотличим от потерпевшего от мошенничества, и криминалистика недаром рассматривает фигуру посредника как самостоятельный, внутренне неоднородный элемент характеристики дистанционных хищений [8, с. 390]. Многообразие самих мошеннических схем, паразитирующих на дроп-инфраструктуре [10, с. 125], лишь умножает вариации этого дробления.

Если предложенная диагностика верна, то из нее с необходимостью следует вывод о пределах традиционной стратегии противодействия. Стратегия эта, назовем ее персональной, состоит в изобличении и наказании максимального числа дропов. Применительно к рынку с неисчерпаемым предложением, плановой ротацией исполнителей и нейтрализованной превенцией персональная стратегия дает эффект, известный экономистам как эффект вычерпывания моря ложкой: выбытие любого числа исполнителей мгновенно компенсируется рынком, а издержки правосудия растут пропорционально числу дел. Более того, персональная стратегия содержит порочный побочный эффект: она снабжает судимостью наименее опасное звено схемы, ухудшая его социальные перспективы и тем самым подталкивая к закреплению в криминальной среде. Сомнения в обоснованности недифференцированной ответственности за дропперство, высказываемые в доктрине [4, с. 86; 6, с. 124], получают, таким образом, не только этическое, но и строго функциональное подтверждение.

Взамен нами предлагается рыночная модель предупреждения. Ее исходный постулат прост: если дропперство есть рынок, то подавлять следует не участников, а рыночные механизмы, воздействуя на четыре экономических параметра.

Первый параметр составляет цена входа продавца на рынок. Сегодня она близка к нулю: оформление карты бесплатно, передача ее мгновенна, риск субъективно не воспринимается. Повышение цены входа достигается мерами, обсуждаемыми в литературе [7, с. 184]: лимитированием числа карт на одно лицо, периодом охлаждения при выпуске, обязательным информированием клиента о правовых последствиях передачи платежных средств под подпись. Существенно, что информирование должно быть сконструировано с учетом эффекта транзакционного дробления, то есть описывать запрет не абстрактно, а на языке конкретных микродействий: «передача карты другому лицу», «проведение перевода по просьбе постороннего». Только так нейтрализованная превенция восстанавливается.

Второй параметр образует издержки сделки. Сделка дропа и дроповода нуждается в площадке, канале коммуникации и способе расчета. Нормативное возложение на операторов платформ и мессенджеров обязанности выявлять и блокировать типовые вербовочные объявления, в сочетании с усиленным антифрод-мониторингом транзитных паттернов по счетам физических лиц [1, с. 99], удорожает каждую сделку и снижает пропускную способность рынка в целом. Публично-правовой механизм судебной защиты в сфере цифровых финансовых сервисов, разрабатываемый в литературе [5, с. 41], образует здесь необходимое процессуальное дополнение, позволяя оперативно замораживать выявленную транзитную инфраструктуру.

Третий параметр представляет собой скорость ротации исполнителей, главный ресурс устойчивости рынка. Парадоксальным образом снижать ее следует не ужесточением, а дифференциацией ответственности: дроп, добровольно вышедший из схемы, сообщивший о канале вербовки и возместивший ущерб, должен получать реальную перспективу освобождения от ответственности. Каждый такой выход не только выводит исполнителя с рынка, но и раскрывает вербовочную инфраструктуру, то есть работает против рынка, а не против отдельного лица. Персональная стратегия видит в снисхождении слабость; рыночная видит в нем инструмент повышения издержек дроповода, вынужденного заново отстраивать скомпрометированные каналы.

Четвертый параметр составляет цена организаторской позиции. Именно здесь, и только здесь, уместно ужесточение. Дроповод извлекает основную ренту рынка и несет наименьший риск; экономическая логика требует инверсии этого соотношения. Поддерживая предложения о специальной регламентации ответственности посредников и организаторов незаконных финансовых операций [6, с. 124], полагаем необходимым сместить акцент конструкции ст. 187 УК РФ с оборота предмета на организацию оборота: повышенной репрессии заслуживает не факт передачи средства платежа, а систематическая деятельность по приобретению, аккумулированию и использованию чужих платежных инструментов, то есть само содержание рыночной инфраструктуры.

Завершая, обозначим и более общую теоретическую перспективу. Дропперство, на наш взгляд, есть лишь первый отчетливо проявившийся представитель класса явлений, который можно назвать инфраструктурной преступностью: деятельности, общественная опасность которой заключена не в причинении вреда конкретному благу, а в поддержании работоспособности криминального рынка как такового. К тому же классу тяготеют торговля учетными записями, аренда абонентских номеров для мошеннических обзвонов, предоставление вычислительных мощностей

теневым сервисам. Криминология, продолжающая описывать эти явления языком пособничества, рискует повторить судьбу картографа, наносящего океан на карту суши. Категории криминальной гиг-экономики, коммодификации правосубъектности и транзакционного дробления вины предлагаются нами как элементы языка, соразмерного новому предмету.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Дропперство представляет собой не форму соучастия и не сумму индивидуальных деяний, а теневой рынок, организованный по образцу платформенной гиг-экономики и заимствующий у нее механизмы найма, тарификации и ротации исполнителей. Предметом оборота на этом рынке выступает коммодифицированная финансовая правосубъектность: доверие платежной системы к личности, отчуждаемое вместе с картой и счетом. Устойчивость рынка обеспечивается транзакционным дроблением вины, при котором преступление расщепляется на внешне нейтральные микродействия, что нейтрализует общую превенцию и порождает доказательственные трудности при установлении умысла исполнителей.

Персональная стратегия противодействия, ориентированная на изобличение максимального числа дропов, в отношении такого рынка функционально бесперспективна и криминологически контрпродуктивна. Взамен предложена рыночная модель предупреждения, воздействующая на четыре параметра: цену входа продавца (лимитирование карт, период охлаждения, адресное информирование, построенное с учетом эффекта дробления), издержки сделки (платформенный и банковский мониторинг вербовочных и транзитных паттернов), скорость ротации исполнителей (дифференциация ответственности и стимулирование добровольного выхода из схем) и цену организаторской позиции (перенос центра тяжести ст. 187 УК РФ с оборота предмета на организацию оборота).

Обоснована также перспективность выделения в криминологической теории самостоятельного класса инфраструктурных преступлений, опасность которых состоит в поддержании работоспособности криминальных рынков. Разработка этого класса, включая его отграничение от института соучастия и построение адекватных ему моделей предупреждения, видится нам приоритетным направлением дальнейших исследований.

Список литературы:

[1] Романова А.В., Бойко А.В. Дропперство как элемент теневой инфраструктуры цифровой экономики // Симбирский научный вестник. 2025. № 2(52). С. 96-101.

[2] Богацкая У.И. Судить нельзя, простить: к вопросу об уголовной ответственности биодропов // Полицейская деятельность. 2026. № 1. С. 50-67.

[3] Желудков М.А. Дропперство как новый вид соучастия в хищении денежных средств // Право: история и современность. 2025. Т. 9. № 3. С. 378-388.

[4] Волчкова Э.А. Обоснованность уголовной ответственности за дропперство и пути ее совершенствования // Наука. Образование. Современность. 2025. № 4. С. 84-87.

[5] Казак Б.Б., Смирнова И.Н., Гуров Р.А. Публично-правовой механизм судебной защиты интересов личности и государства в сфере цифрового кредитования (на материалах уголовного судопроизводства): электронное сетевое издание. Псков: Псковский государственный университет, 2026. 122 с.

[6] Петрикова С.В., Подтергера Н.С. Уголовно-правовое регулирование ответственности за преступления, совершенные дропперами (посредниками в сфере незаконных финансовых операций) // Проблемы экономики и юридической практики. 2026. Т. 22. № 1. С. 119-126.

[7] Самсина Е.Е. Мошенничество с использованием дропперов, меры противодействия // Вестник Национального Института Бизнеса. 2025. № 1(57). С. 180-185.

[8] Машлякевич В.А. Посредник преступления как элемент криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи // Евразийский юридический журнал. 2024. № 3(190). С. 389-391.

[9] Шаршов Д.С. Сущность и уголовно-правовая квалификация дроперства как нового преступного явления // Уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические проблемы обеспечения безопасности человека, общества и государства: сборник научных статей. СПб.: Астерион, 2025. С. 161-167.

[10] Миронов Г.Ю. Виды мошеннических действий, осуществляемые посредством информационно-коммуникационной сети Интернет // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2022. С. 124-129.

[11] Бабанская А.С., Зитанишвили А.Б., Сахута А.И. Причины и факторы вовлечения молодежи в противоправные дроп-схемы // Креативная экономика. 2026. Т. 20. № 2. С. 345-367.

[12] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

References:

[1] Romanova A.V., Boyko A.V. Droppery as an element of the shadow infrastructure of the digital economy // Simbirsk Scientific Bulletin. 2025. № 2(52). S. 96-101.

[2] Bogatskaya U.I. It is impossible to judge, forgive: to the question of the criminal liability of biodrops // Police activity. 2026. № 1. S. 50-67.

[3] Zheludkov M.A. Droppery as a new type of complicity in the theft of funds // Law: history and modernity. 2025. VOL. 9. № 3. S. 378-388.

[4] Volchkova E.A. Validity of criminal liability for droppery and ways to improve it // Science. Education. Modernity. 2025. № 4. S. 84-87.

[5] Kazak B.B., Smirnova I.N., Gurov R.A. The public legal mechanism of judicial protection of the interests of the individual and the state in the field of digital lending (on the materials of criminal proceedings): an electronic online publication. Pskov: Pskov State University, 2026. 122 s.

[6] Petrikova S.V., Podtergera N.S. Criminal law regulation of liability for crimes committed by droppers (intermediaries in the field of illegal financial transactions) // Problems of economics and legal practice. 2026. VOL. 22. № 1. S. 119-126.

[7] Samsina E.E. Fraud using droppers, countermeasures // Bulletin of the National Institute of Business. 2025. № 1(57). S. 180-185.

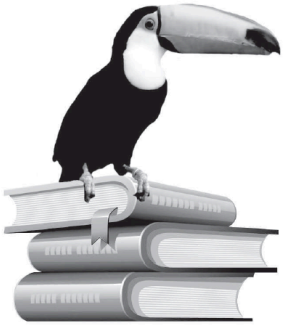
[8] Mashlyakevich V.A. The mediator of the crime as an element of the forensic characterization of frauds committed using telephone communications // Eurasian Legal Journal. 2024. № 3(190). S. 389-391.

[9] Sharshov D.S. Essence and criminal legal qualification of dropping as a new criminal phenomenon // Criminal law, criminal executive and criminological problems of ensuring the safety of man, society and the state: a collection of scientific articles. St. Petersburg: Asterion, 2025. S. 161-167.

[10] Mironov G.Yu. Types of fraudulent actions carried out through the information and communication network Internet // Forensics: current issues of theory and practice: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: RUE of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. S. 124-129.

[11] Babanskaya A.S., Zitanishvili A.B., Sakhuta A.I. Reasons and factors of youth involvement in illegal drop schemes // Creative economy. 2026. T. 20. № 2. S. 345-367.

[12] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (from the last rev. and addendum) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.